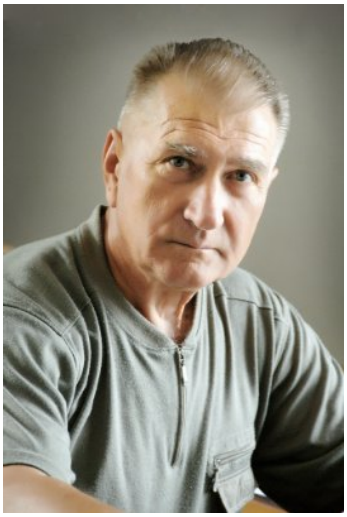
Рублевский, С. Родовые крылья Валерия Чкалова / С. Рублевский // Народнае слова. — 2010 — 8 чэрв. — С. 4—5.

РОДОВЫЕ КРЫЛЬЯ ВАЛЕРИЯ ЧКАЛОВА



Он и на пенсии не утратил привычку к хорошо отлаженному ритму жизни. И на работу ходит по часам, как все, хотя давно не состоит на службе. В половине девятого он уже занимает привычное место в читальном зале Государственного архива Витебской области. Теперь Валерий Чкалов изучает документы городской комсомольской организации Новополоцка. Погружается в них с трепетным чувством: еще бы(!), ведь в документах отражена и его юность.

В начале 1967 года выпускник химфака Белгосуниверситета Валерий Чкалов и его жена Валентина по распределению были направлены на Полоцкий химкомбинат. В то время в нефтеграде активного, увлеченного спортом В. Чкалова сразу же заприметили вожаки комсомольцев и вскоре предложили влиться в их ряды. Так и случилось. Целых четыре года Валерий отработал вторым секретарем Новополоцкого горкома комсомола. А потом ему доверили и роль лидера, правда, первым секретарем Чкалов проработал всего 10 месяцев: как-то внезапно подоспел перевод на новую должностную ступеньку – в инструкторы обкома партии. Это был естественный карьерный рост благополучного во всех отношениях советского человека.

Теперь вы, думаю, поняли, почему товарищи из комсомольской юности попросили Валерия Борисовича заняться летописью Новополоцкого горкома, которую намерены издать книгой. Но, кстати, обратились они с такой просьбой не только потому, что Валерий – человек сведущий в истории комсомола Новополоцка, причастен к ней. Чкалов, кроме всего прочего, еще и приобрел навыки работы в архивах, полюбил это занятие. Поднаторел он и в музейном деле.

На основе архивных документов Валерий Борисович написал историю витебской милиции, создал документальную основу музеев объединения «Витебскэнерго» и Главного управления Национального банка Республики Беларусь по Витебской области. Попросили. А вот музей воинов-интернационалистов в Витебске он создавал с тем же чувством, которое испытывает и сегодня, когда подбирает архивные материалы о новополоцком комсомоле, – с чувством личной причастности.

Дело в том, что в 1981 году из обкома партии он был направлен на службу в органы милиции, как говорилось тогда, «для укрепления», а из милиции в свою очередь его командировали в пылающий огнем Афганистан: для оказания помощи в организации более эффективной работы царандоя, своеобразного афганского слепка с нашей милиции. Он был при деле, на горячей броне «бэтээра» изо дня в день выезжал в разные уголки провинции Парван…

Так что в середине 1990-х Чкалов создавал музей памяти воинов-интернационалистов со знанием дела.

Однажды Валерий признался мне, что пристрастие к архивной, музейной работе, которая требует неспешности, методичности, внимательности к деталям, у него, пожалуй, от деда Семена. В детстве, кстати, он некоторое время жил в его доме, в поселке Высоково (ныне Сормовский район Нижнего Новгорода). Но прежде чем рассказать о Семене Григорьевиче, сделаем небольшое отступление.

Дядя Валерия Павловича Чкалова (он же дед Семен для Валерия-младшего) вместе с сыном Борисом (отцом Валерия-младшего) в числе близких родственников трагически погибшего знаменитого на весь мир летчика в декабре 1938 года после похорон был приглашен на прием в Кремле. Вот тогда их и удостоил своим вниманием вождь.
– Кем хочешь быть? – спросил Сталин у робеющего по-юношески Бориса. Понятное дело, что сама обстановка предполагала только один ответ. На что Сталин кивнул Ворошилову: мол, это по твоей части, займись…

Но в летчики Борис Чкалов не попал по состоянию здоровья и выбрал танковые войска. После войны его направили служить в Забайкалье, а затем в группу советских войск в Германии. В те годы офицеры не имели возможности брать с собой детей, оставляли их на родине, пристраивая у родственников – по месту службы в послевоенные годы не было еще ни русских школ, ни сносных условий для семейной жизни. Так что в детстве Валерия воспитывал дед. Здесь, в Высоково, и пошел в школу, причем «по протекции» отец определил его в обучение к Марии Федоровне Телятниковой, которая была в свое время и его первой учительницей. Она слыла очень талантливым педагогом, училась своей профессии еще до революции. Вообще, стремление к основательности в знаниях, мастерству в профессии является очень характерным для большого рода Чкаловых.

А дед Семен, родной брат Павла, отца летчика Валерия Чкалова, был видным представителем этого рода. Когда Валерий-маленький жил в Высоково, на досуге он то и дело рассматривал увлекательные рисунки деда. Это только на первый взгляд они незатейливы и однообразны – пароходы, пароходы, пароходы… Нос, корма, труба, корпус… Но в каком множестве: 245 пассажирских и 77 буксирных! А с какой тщательностью исполнены эти рисунки: тонким перышком четко проведена каждая черточка, цветная тушь легла аккуратно, без подтеков… А еще каждый рисунок сопровожден выполненной убористым каллиграфическим почерком подписью: указана прописка судна к тому или иному пароходству, пристани, водоизмещение, другие технические характеристики. Таким образом создан своеобразный «портрет» судоходной Волги начала XX века. Эту кропотливую вдохновенную дедовскую работу Валерий считает сродни исследовательской, основанной на сборе и систематизации фактов. (Тем, чем он занимается теперь в архивах). Валерий Борисович очень доволен, что труд деда не пропал

даром, что его рисунки тетя Анна Семеновна передала на хранение в музей речного училища в Нижнем Новгороде.

Почему же Семен Григорьевич был столь хорошо информирован о состоянии судоходства на Волге?

В свое время не принято было заострять внимание на том, что отец сталинского сокола Валерия Чкалова Павел был, мягко говоря, не совсем уж простым рабочим, которому «нечего терять, кроме своих цепей». Он проявил себя мастеровитым котельщиком в «казенных мастерских», где строились и ремонтировались речные суда. И было время, когда держал свой речной пароходик «Русло», сгоревший корпус которого выкупил под вексель у купца Колчина и восстановил своими руками. Сметливый, расчетливый в делах брат Семен и взялся помогать Павлу в налаживании своего судоходного дела. Плавая по Волге, он начал проявлять интерес ко всем речным «посудинам», видимо, мечтая о том времени, когда и Чкаловы прославятся в округе как именитые пароходчики. Как наши предки жили извечной мечтой о собственном наделе плодородной землицы, так волгари были одержимы жаждой заиметь свой пароходик, а то и несколько.

Но вокруг собственников, как известно, в России, да и у нас, то и дело возникают всевозможные социальные «завихрения», готовые перерадиться в революционную бурю. Чего, например, стоит только одна зависть. Проявилась она и в отношении к семье Чкаловых. Словно давним эхом отозвалась на то столь необычное для простых людей судовладение. Ну как же так! Ведь Пашка такой же работяга, как мы, а в господа метит…

А потом завистникам подалось, что в «господа» метит и его сын. Летает по геройски – ну и пусть себе летает. Это для зависти – запредельное небо. Но ведь быстро богатеть может начать здесь, на Волге!

Когда в марте 1931 года умер Павел Григорьевич, отец военлета, с согласия всех наследников доверенность на право распоряжения домом с постройками и садом была оформлена на Валерия Павловича Чкалова. Ее предстояло удостоверить в поселковом Совете. Вот тут-то все и началось. Процитируем один занятный архивный документ. «Секретно. Выписка из протокола № 2 заседания фракции Василёвского поселкового Совета от 11 апреля 1931 г.

Слушали: информацию тов. Парнякова о доверенности Чкалова В. П.

Тов. Парняков говорит, что после смерти Павла Григорьевича поступила 27 марта 1931 г. в поселковый совет доверенность от сыновей, дочерей и жены его, т.е. Чкалова Павла Григорьевича, о передаче движимого и недвижимого имущества его сыну Валерию Павловичу Чкалову, который в настоящее время находится в рядах РККА.

Чкалову Валерию Павловичу передаваемое имущество, в особенности как дом и все постройки и сад, являются нэпмановским состоянием, а сам же Чкалов Павел Григорьевич – ***<u>бывший пароходчик</u> (подчеркнуто мною – С.Р.).***

Исходя из этой передачи данного имущества красноармейцу и как красному командиру Чкалову Вал. Пав. может повлечь к капиталистическому сектору и вместе с этим будет сам и его семейство освобождены от налога как семья красноармейца. Между прочим, Чкалов Вал. Пав. будет получать нетрудовые доходы по квартирной плате и с фруктового сада (ну как, скажите, пережить это, люди добрые?! – С. Р.).

Постановили: из рядов РККА гр-на Чкалова В. П. отозвать как сына пароходчика, старающегося к обогащению за счет нетрудовых доходов.

Поручается секретарю фракции тов. Парнякову о доведении в полит. часть, где служит Чкалов Вал. Пав.».

Соседям удалось-таки отнять у Чкаловых дом – донос был отправлен куда следует.

… Глаза у двоюродного племянника гениального летчика заметно грустнеют, когда мы говорим об этом злополучном случае. А я по ассоциации кое-что вспоминаю из своей жизни. В годы детства в моей родной деревне хозяйка дома о своей корове-рекордистке старалась помалкивать – чтобы не сглазили завидущие односельчане... Завистливость живет в душах наших людей, думаю, определенно из-за фатальной бедности, от ее безысходности. Даже злиться в связи с этим или укорять их не пристало.

Валерий Борисович Чкалов регулярно бывает в своем Высоково – встречается с тетушками, другими многочисленными родственниками. Род его большой и сплоченный. По одной из версий, волжская фамилия Чкалов происходит от буквосочетания «чк», звучанием которого волгари имитируют мелкое крошение весеннего льда на реке, шуршание шуги под дуновением ветерка: «чка, чка, чка…». Может быть. А вот большая родня Чкаловых не «крошится», а только все теснее становится в своем единении.

Недавно Валерий показал мне любопытную книгу журналистов В. Федорова и Л. Рязанова «Неизвестный Чкалов», которую прислали ему из Высоково родственники. В этом издании, действительно, немало интересных свидетельств о жизни, нраве, о поступках и проступках легендарного летчика. Книга-альбом была издана в Нижнем Новгороде и в наших краях практически не имела хождения. Это издание привлекательно и тем, что в нем много доселе неизвестных фотоиллюстраций. На одной из них – дом деда Семена, о котором мне так много рассказывал Валерий. Прежде всего разглядываю на фото двери: кажется, обычные... Может, в свое время их переделали…

Дом этот построил прадед Валерия Борисовича, дед Валерия Павловича – Григорий Михайлович Чкалов. Бревенчатый, двухэтажный, добротный. Но вот конфуз: с низкими входными дверями. Входишь – сгибаешься. Словно кланяешься кому. Хотя… Известно – хозяину!

Григорий Чкалов был широкоплеч, крепок, но низковат ростом. Вот под свою «вертикаль» и смастерил двери. Для вас они неудобны? Ничего страшного! Не со своим аршином входите, делайте оглядку на хозяина, пригните голову в знак уважения к его гостеприимству и его самости с таким вот Богом данным росточком.

Что и говорить, тверд в убеждениях, ершист характером был Григорий Михайлович Чкалов. Он родился в 1839 году здесь же, в Высоково. Принадлежал к сословию не крепостных, а государственных крестьян. В свою очередь родил десятерых детей, в их числе и Павла, отца легендарного летчика. Со временем Павел переселился в соседнее – верстах в шестидесяти – Василёво (ныне Чкаловск), а двухэтажный «звонкий» дом унаследовал младший Семен, дядя Героя, родной дед Валерия Борисовича.

Вот здесь, в этом доме, под этой родовой крышей и пересеклись жизненные пространства двух Валериев. Их размежевывает полоска времени в каких-нибудь 15 лет.

Валерий-маленький жил в дедовском доме в первые школьные годы, как мы говорили выше. А потом – и в студенческие, когда поступил на химфак Горьковского университета – до перевода в Белгосуниверситет (отец переехал на службу в Белоруссию).

Было время, видел свои сны под дедовской кровлей и Валерий Павлович. Для него вообще этот дом был очень притягательным, и не только теплотой своих стен, но прежде всего добрыми отношениями с дядей Семеном. Когда, пользуясь случаем, летчик Чкалов прилетал в Горький, он перед тем как садиться, делал несколько кругов над Высоково, таким образом подавая условный сигнал своему дяде. Пока племянник улаживал дела на аэродроме, в городе, возился с авто, на котором добирался до Высоково, Семен Григорьевич топил баню, готовил веники да совершал другие, почти ритуальные приготовления. Банька, которая стояла во дворе дома, была их райской отдушиной в изматывающей круговерти жизни.

Валерий Чкалов парился так же отчаянно, как и летал. На полке, «уши горели», рассекал горячий воздух емкий березовый веник, распарившись – кубарем в сугроб… В завершение, как водится, сотворялось неспешное застолье и дядя подносил племяннику добрую чарку водки. Валерий Павлович выпивал ее с удовольствием.

Для более полного понимания личности Героя обратимся к упомянутой уже книге «Неизвестный Чкалов». Вот выдержка из одного рапорта, составленного осенью 1925 года.

«… Гр. Чкалов, состоя в должности военлета 1-й эскадрильи, будучи обязанным явиться на аэродром для совершения учебного группового полета к 3 часам дня, явился к указанному времени в совершенно пьяном состоянии, вследствие чего не только не мог летать, но и вообще вел себя недопустимо: кричал, шумел и т.д., чем обращал внимание присутствующих на аэродроме».

А вот в дополнение выдержка из другого документа о молодом Чкалове: «Летает хорошо, но слишком много удальства, невнимательности, отсутствует дисциплина как в воздухе, так и на земле».

Или:

«…Страшно грубый, не любит и не признает никакого начальства, на службу опаздывает».

В свое время эти донесения были под семью печатями, особенно когда летчик обрел всенародную славу, был обласкан самим Сталиным. Образ Героя уже стал всенародным достоянием, Чкалов – любимцем, но в то же время – и государственным символом, а такие символы должны сиять, как солнце.

Но ведь использование героизма в пропагандистских целях и совершение самого героического действа – это, как говорится, две большие разницы. Ведь подвиги совершают не паиньки-мальчики, а рубаки-парни, те, о которых говорят «сорви голова», не подпадающие под устойчивый и в определенной степени сусальный стандарт благовоспитанности.

Отцы-командиры обвиняли Валерия Чкалова в браваде своими поступками и в самоуверенности, а ведь таким образом он просто выражал свое, еще в мальчишестве запавшее в его душу стремление во всем быть первым, быть лучше всех.

Валерий Борисович из рассказов близких знает, что в детстве во время купания на Волге, стремясь нырнуть дальше всех, его знаменитый тезка проплывал под водой плот в сорок бревен – насколько хватало воздуха…

Я не только для того задумал эти заметки, чтобы для читателей «НС» добавить пару новых штрихов к портрету легендарного летчика. О нем написано с избытком. Меня заинтересовала тема отношения к героическому наследию Валерия Павловича Чкалова его родственников, которая открылась после знакомства с Валерием Борисовичем.

Не будем забывать, что легендарный летчик обладал не только всенародной, но и всемирной славой. После перелета с Г. Байдуковым и А. Беляковым через Северный полюс в Америку президент Рузвельт назвал его «не только Героем Советского Союза, но и США».

Советские люди, окрыленные великой идеей, совершали свои подвиги для народа и во имя народа, но ведь в том числе и для своих родных. Почему нет! И разве у родных и близких не возникает вполне естественный соблазн приобщиться к славе, более того, даже заиметь какие-нибудь блага за счет знаменитого родственника?! Сколько мы знаем таких примеров! Но вот в лице Валерия Борисовича Чкалова я наблюдаю совершенную отстраненность от этого соблазна. Причем отстраненность, осмысленную еще в молодые годы. Понятное дело: такую линию поведения, такой нравственный выбор мог сделать только самодостаточный человек, обладающий хорошим чувством собственного достоинства.

Пару месяцев тому, когда я обдумывал эти заметки, ко мне зашел за архивной справкой бывший заведующий одного из отделов обкома партии, а потом в кабинет заглянул и Валерий Чкалов. Они тут же узнали друг друга, тепло поздоровались. А я, воспользовавшись моментом, вскоре выяснил, что мой гость ни слухом ни духом не знает о родственной связи своего бывшего коллеги с легендарным летчиком-героем. И был сильно удивлен. Валерий Борисович Чкалов, если его только не спросят напрямую, об этом не говорит никогда. И я не узнал бы, если бы не приобретенная в свое время журналистская настырность.

Как приятно, что Валерий Борисович Чкалов глубоко и давно осознал: подвиг не передается в семейное наследство, а становится духовным наследием.

С. Рублевский, начальник отдела по архивам и делопроизводству главного управления юстиции облисполкома